

УЙТИ ПО-КИТАЙСКИ¹

Операция «преемник-2008», несомненно, уже продумана и выверена президентом до мелочей и будет еще многократно продумываться и выверяться. Путин, в отличие от своего предшественника, вообще не импульсивен и тщательно планирует свои действия. Кроме того, можно не слишком продумывать то, что непосредственно тебя не касается, вроде «монетизации льгот», но нельзя не продумывать свою собственную судьбу - где ты будешь работать, какое будет у тебя положение, какие доходы, какие отношения с будущим начальством. И практически нет сомнений, что операция пройдет удачно. Никаких сил, которые могли бы помешать президенту ее осуществить, в нашем обществе пока нет, и к 2008 году они вряд ли появятся. Поэтому кого Путин назначит - тот и будет. Он - единственный и совершенно свободный российский избиратель. Более того, кого он назначит, того наш народ, во всяком случае первое время, и будет любить - как девушке в традиционном обществе, брак которой решен ее родителями и которая даже не видела жениха до свадьбы, ничего не остается, как начинать любить своего мужа.

Но у людей профессии нашего президента самое тщательное продумывание операции часто сочетается со смутными представлениями об ее конечных целях и дальних последствиях. Интеллектуальные силы людей ограничены, и если работник спецслужбы все силы своего интеллекта направляет на то, как провести некую операцию, у него просто не остается сил, чтобы так же напряженно думать, нужна эта операция вообще и к чему она, в конечном счете, может привести. Например, очевидно, что операция по началу второй чеченской войны разрабатывалась очень тщательно, но вопросы о том, каковы будут ее далекие последствия и действительно ли она необходима, скорее всего вообще не возникали. Очень похоже, что и сейчас мы присутствуем при процессе разработки и проведения блестящей операции, конечные результаты могут оказаться совсем не такими, какими хотелось бы их видеть ее разработчику.

Каковы вообще могут быть цели этой операции? Для чего Путину надо передавать кому-то власть? С Ельциным - все понятно, он устал и болен, еще одних выборов он бы просто не выдержал, фактически его уход от дел был средством продлить свою жизнь. Но Путин - в прекрасной форме, ему бы еще править и править. О том, что он мог бы, если бы захотел, изменить Конституцию, даже и говорить нечего. Как нечего и говорить, что он выиграл бы свои третьи выборы. Конечно, какие-то трудности возникли бы, но - вполне преодолимые. И значительно меньше тех трудностей, которые неизбежно возникнут перед ним при его уходе.

Решение Путина уйти со своего поста необъяснимо «эгоистическими» мотивами. На наш взгляд, его можно объяснить лишь мотивами «идеалистическими». При всем своем стремлении к «властной вертикали» Путин - не «маньяк власти». Власть досталась ему случайно, и он это понимает и относится к ней, как к «заданию» (вполне возможно, даже данному Богом), которое он старается добросовестно выполнить. Его сосредоточение в своих руках все большей власти проистекает не из властолюбия, а из стремления к наведению порядка - теми средствами, какие подсказывают ему его личный опыт, наша культура и наша политическая система, основные принципы которой определились задолго до его прихода к власти («других порядков у нас нет»).

В этой системе есть два имманентных ей элемента - безраздельная личная власть президента и правовой конституционный фасад, камуфляж этой власти. И Конституция для Путина - часть того порядка и стабильности, который он обязался поддерживать. Человек, руководствующийся лишь инстинктом власти, конечно, изменил бы эту

конституцию, но Путин не может. Когда он говорит о том, что надо соблюдать Конституцию - основу нашей стабильности, он, скорее всего, совершенно искренен. Его будущий уход - часть его работы, логичное завершение выполненного им задания по стабилизации системы, после чего он сможет спокойно вздохнуть - «отслужил!».

При этом, однако, Путин не хочет, как это сделал Ельцин, вообще уйти из политики и от власти. До пенсии ему еще далеко. Он предполагает, что будет и дальше участвовать в руководстве страной и неформально - своим влиянием на преемника, и формально, заняв какой-то видный пост, предположим, главы «Единой России» и заодно «Газпрома». Очень похоже, что Путину видится какая-то роль, аналогичная роли Дэн Сяопина в Китае.

Но китайская модель с дисциплинированной компартией, с уходом руководителей на покой в очень преклонном возрасте и с китайской культурой почтения к старикам вряд ли переносима на совсем иную российскую ситуацию. При уходе Путина возникают проблемы, которые, вполне возможно, до конца им не осознаются.

Уход президента «не до конца» при сохранении им политического влияния формально, конституционно - вполне нормален. Но Конституция - лишь фасад нашего здания, причем фасад, скрывающий его реальную конструкцию, как советские конституции скрывали реальную конструкцию советского общества. Будучи вполне конституционным, такой уход противоречит глубоким «неформальным» основам нашей политической системы и, более того, - российской политической культуры.

Ясно, что Путин найдет (очевидно, уже нашел) «достойного» преемника, что в рамках его идей и ценностей и исходя из его личных интересов (здесь интересы и ценности полностью совпадают) означает - максимально предсказуемого и нехаризматичного. Такого, который не отклонился бы от уже проложенного курса и не вступал бы в конфликт с ним, не «предал» бы его. Но возможно ли это?

Ситуация, когда правитель, не собирающийся умирать или уходить на покой, избирает своего преемника, в нашей истории - уникальна. Но ситуация, когда люди, не собирающиеся уходить от дел и от власти, избирают правителя, - отнюдь не уникальна. Так в советское время членами Политбюро избирались все правители, которые после избрания становились «безальтернативными» и несменяемыми. И всегда эта небольшая группа реальных «избирателей» руководствовалась примерно теми же соображениями, которыми сейчас не может не руководствоваться единственный избиратель Путин, - выбирался самый скромный, самый слабый, самый безопасный (только в самом конце советской власти, когда члены Политбюро ощущали, что надо срочно что-то менять, были избраны Андропов и затем Горбачев). И каждый раз избиравшие (которые были не глупее Путина и не хуже его разбирались в людях) обманывались.

Каким бы безопасным ни казался будущий правитель, он все-таки личность. И стремление как-то утвердить себя на своем посту как личность, доказать себе и другим, что он - не просто плохая копия своего предшественника и не пешка в чужих руках, у него возникает неизбежно. И это утверждение себя как личности означает его дистанцирование и от своего предшественника (вплоть до вынесения Хрущевым тела Сталина из мавзолея), и от своих «избирателей», которые думают, что он должен быть им всю жизнь благодарным (вплоть до их поголовного истребления Сталиным). А Путин для своего будущего преемника одновременно - и предшественник, и «избиратель».

Но не только сам преемник стремится дистанцироваться от предшественника. Получив нового правителя, общество естественно начинает связывать с ним какие-то свои надежды

и тем самым - противопоставлять его предшественнику. «Слава Богу, не Сталин!», затем - «Слава Богу, не Хрущев!», затем - «слава Богу, не Брежнев!» и т.д. И если Путин действительно уйдет, при первом же признаке перемен, в какую бы сторону они ни были направлены, откуда-нибудь да раздастся: «Слава Богу, не Путин!»

Путин сам прошел через все это. Он был выбран Ельциным и его окружением как наименее опасный, наиболее предсказуемый и верный, как тот, кто «не предаст». Но хотя он, действительно, основные обязательства перед предшественником соблюл - расследований деятельности его и его семьи не допустил, - «имидж» нового президента строился на контрасте с Ельциным и противопоставлении ему. И иногда он даже переходил в этом границы «приличия» - вспомним его речь перед родственниками моряков, погибших на «Курске». И это исходило не только от него, но и от общества. Ведь любая похвала Путину объективно являлась косвенным порицанием Ельцина. Для Ельцина очень нелегко слушать о том, в каком тяжелом состоянии принял Путин страну и как хорошо, что у нас такой замечательный президент, который нас из этого состояния выводит. И вряд ли ему было так уж приятно видеть, как уходит его старое окружение (в том числе и те, кто подсказал ему кандидатуру Путина) и приходят какие-то непонятные «питерские чекисты». Но Ельцин ушел окончательно, «на пенсию». А что будет делать в такой ситуации Путин?

Просто невозможно представить себе степень безликости преемника Путина, у которого не возникло бы стремления как-то показать, что «сейчас не путинское время». Равно как невозможно представить себе Путина, у которого не возникло бы желания как-то поправить своего преемника, указать ему на его ошибки. И естественно, окружение и того, и другого будет усугублять их малейшее недовольство друг другом, разъедавая малейшие трещины в их отношениях, как соль разъедает трещины в камне.

Дистанцирование носителя верховной власти от своего предшественника в нашей политической культуре и возникавших на ее основе трех политических системах (самодержавной, советской и постсоветской) - нормально. Но всегда делалось в отношении тех предшественников, которые уже умерли сами, или были убиты (Петр III, Павел), или (уже в наше гуманное время) еще живы, но полностью ушли в политическое небытие (Хрущев, Ельцин). В авторитарных персоналистских системах у правителей живых и активных предшественников не бывает.

И точно так же не может быть никакого (кроме фиктивного, формального) разделения власти. Власть всегда - одна и у одного. Но как трудно представить себе будущего президента настолько безликим, чтобы он согласился бы быть просто «слабой копией» Путина, так трудно представить себе ситуацию, при которой он - просто «пешка», а вся власть целиком все равно - у Путина. Сталин мог править безраздельно, будучи всего лишь генсеком, в то время как Калинин был чем-то вроде главы государства, а Рыков и Молотов - председателями Совнаркома. Но «Единая Россия» - не партия большевиков, и наша теперешняя система - президентская, а не партийная.

Операция «преемник-2008» - очень рискованная операция не потому, что ее легко провалить (провалить ее практически невозможно), но потому, что она создает ситуацию, которая находится за рамками нашей системы и, более того, за рамками нашей политической культуры. Она предполагает реальное разделение властей - то, чего в России не было просто никогда. Она создает трещину в системе российской власти и в элите и вносит смятение в общество.

Поэтому в призывах к Путину остаться - не только неверие, что его решение - реальное и окончательное, что это - не проверка лояльности, вроде отречения Ивана Грозного. Есть в этом и искреннее недоумение - для чего это нужно, и инстинктивный страх перед появлением новой, непривычной, психологически дискомфортной и опасной ситуации. Ситуации, когда люди не будут знать, кого они должны любить, кем восхищаться, чьи портреты должны ставить в своих кабинетах. От которой - один шаг до реального выбора. Путин, решив уйти со своего поста, стремится укрепить нашу политическую систему, освободить ее от привязки к определенным личностям, рутинизировать и формализовать процесс смены власти. Но очень вероятно, что, сам того не желая, он ускорит и без того неизбежный кризис этой системы, которая может не выдержать двух начальников. Боливар не вынесет двоих.

Однако, может быть, он еще передумает - какое-то время у него еще для этого есть.

В соавторстве с П. Палажченко